

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИИ

ТРУДЫ
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЪЕДИНЕННОГО
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО
МУЗЕЯ

Том VIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1995

*Т. В. ГАЛКИНА, Л. А. ЧИНДИНА, Н. В. ЛУКИНА,
Е. Я. ГОРЮХИН*

И. М. МЯГКОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СИБИРИ

Иван Михайлович Мягков (25.07.1899—29.08.1991)

Изучение Сибири для И. М. Мягкова (25.07.1899—29.08.1991) стало настоящим призванием, которому он посвятил всю свою долгую жизнь. Взлет и размах мысли этого талантливого челове-

ка охватили самые разные проблемы археологии, этнографии, истории, искусствоведения, географии и геологии края. На его счету — открытие в археологии кулайской культуры, уникальные материалы, собранные в этнографических экспедициях, глубокое понимание законов развития и значения искусства малочисленных сибирских народов, точное определение времени наступления ледников Алтая. Все это не потеряло своего значения в современной науке и определило дальнейшее развитие многих направлений сибирского краеведения.

Чтобы осветить все многообразие деятельности И. М. Мягкова, понадобилось создать небольшую творческую группу: историк Т. В. Галкина обратилась к началу жизненного пути исследователя, археолог Л. А. Чиндина проанализировала его вклад в развитие сибирской археологии, этнограф Н. В. Лукина рассказала об этнографической работе, а геолог Е. Я. Горюхин поделился своими воспоминаниями и впечатлениями от совместной работы с этим незаурядным человеком.

* * *

Иван Михайлович Мягков родился в г. Томске 25 июля 1899 г. Его отец, Михаил Васильевич, гравер в типографии Кононова, умер довольно рано, в 1905 г. Мать, Анна Степановна, учительница с 36-летним стажем, более 20 лет заведовала Пушкиновским детским приютом в Томске (в 1920 г. переименованным в детский дом № 10), впоследствии — детскими домами № 4 и 5. За свой многолетний самоотверженный труд в 1928 г. А. С. Мягкова получила звание «Герой труда». Скончалась она в 1940 г.

История родного края привлекала Ивана Мягкова с юношеских лет. Он собирал легенды и предания о томской старине: в 1918 г., например, у с. Кафтанчиково он записал легенду о Томе и Ушае. А в 1920 г. вместе с друзьями выпускал археологическо-исторический журнал «Тояново городище». Юношеское увлечение археологией и историей с годами окрепло и переросло в горячую любовь к родному краю, определившую целеустремленную, подвижническую деятельность на долгие годы.

До недавнего времени о жизни и деятельности И. М. Мягкова было известно не так уж и много. Теперь мы можем рассказать о них, опираясь на материалы из семейного архива, любезно переданные в краеведческий музей его вдовой Ниной Петровной Мягковой. Подлинные документы 1920—1930 гг. раскрывают истинный облик инициативного, трудолюбивого, энергичного молодого ученого. Среди этих ценных материалов есть мандаты и удостоверения, рукописи статей и зарисовки кулайских находок, фотографии, полевой дневник, трудовая книжка. Эта недавно поступив-

шая на хранение мемориальная коллекция И. М. Мягкова даст возможность сконцентрировать в музее наряду с археологическими и этнографическими коллекциями И. М. Мягкова его именной документальный фонд.

Совокупность источников — архивных материалов, документов семейного архива, краеведческой литературы, особенно очерки М. Б. Шатилова о Томском краевом музее — обеспечила возможность составить «трудовой список» И. М. Мягкова с 1918 по 1931 г. Такие трудовые списки были широко распространены в конце 1920-х гг. и выполняли роль современных трудовых книжек. Список этот интересен тем, что в трудовой книжке И. М. Мягкова, хранящейся в нашем музее, первая запись относится к 1931 г. Вот что ей предшествовало¹:

Дата	Виды деятельности И. М. Мягкова
Август 1918—декабрь 1919 г.	Мобилизован в армию Колчака. Рядовой
Декабрь 1919—сентябрь 1920 г.	Перешел в Красную Армию. Рядовой. Откомандирован на учебу в Томский университет
1920 г.	Избран членом секции охраны памятников искусства и старины при Томском губнаробразе
28 мая 1920 г.	Назначен сотрудником Института исследования Сибири. Работа по составлению археологической карты Сибири
25 июня—1 июля 1920 г.	Командирован от губнаробраза в д. Козюлино для археологических раскопок
1920 г.	Участвовал по заданию подотдела охраны памятников искусства и старины (вместе с профессором В. Ф. Смолиным) в раскопках Томского могильника. Найдено более 100 предметов — керамика, медная пряжка, фрагмент бронзового меча
1 сентября 1920 г.	Принят в Томский государственный университет на факультет общественных наук
17 сентября 1920 г.	Командирован в качестве инструктора подотдела охраны памятников искусства и старины в Мариинский и Минусинский уезды для археологических исследований
1—15 января 1921 г.	Назначен агентом-инструктором подотдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины
1—15 января 1921 г.	Назначен заведующим археологической секцией губнаробраза, учится на историко-филологическом факультете ТГУ, ведет сбор материала в Томском, Красноярском, Минусинском музеях по сибирской археологии

- 16 июня 1921 г. Командирован для производства раскопок обнаруженного скелета мамонта на ст. Юрга. Привезено 12 отдельных частей костяка мамонта с двумя сохранившимися, хотя и неполными бивнями
- 1—6 июля 1921 г. Проведена археологическая экспедиция в д. Козюлино
- 8 июля 1921 г. Командирован в Тобольский музей для изучения древнеобской бронзы
- 18 марта 1922 г. Состоялось открытие Томского краевого музея, в подготовке которого И. М. Мягков принимал активное участие
- Конец июня—сентябрь 1922 г. Заведование Томским краевым музеем
- 25 июня 1922 г. Командирован в Сургутский уезд и Нарымский край для изучения быта местных инородцев, сбора этнографического материала и археологических исследований на 2 месяца. Привезена коллекция бисерного шитья юганских остяков, образцы орнамента на бересте, предметы домашнего обихода и музыкальные инструменты — всего 35 предметов
- 1922 г. В связи с закрытием факультета общественных наук в ТГУ переведен в Петроградский университет
- 28 сентября 1922 г. Получено разрешение заниматься в лектории Российской Академии истории материальной культуры
- 12 апреля 1923 г. Получено удостоверение Петроградского губернского отдела народного образования руководителя экскурсий по этнографическому музею в экскурсионном отделении Политпросвета
- 26 мая 1923 г. Командирован от Географического института в Петрограде в экспедицию на Обскую губу
- 20 декабря 1923 г. Российской Академией истории материальной культуры затребованы от И. М. Мягкова дополнительные сведения о разведке в окрестностях Томска летом 1923 г.
- 31 мая—1 ноября 1924 г. Командирован от этнографического отдела Русского музея на рр. Юган и Салым (притоки р. Оби) для этнографических исследований и сбора коллекций с 1 июня по 1 ноября 1924 г.
- 1924 г. Продолжены археологические раскопки неолитической стоянки близ с. Иштан и д. Козюлино Томского уезда
- Осень 1924 г. Организована выставка археологических материалов, найденных близ Иштана
- 1925 г. Заболевание тяжелой формой малярии. Возвращение из Петрограда в Томск
- 31 января 1925 г. Зачислен внештатным сотрудником Томского краевого музея по отделу археологии
- Январь 1925—1932 г. Избран в совет музея, членом которого состоял на протяжении последующих 7 лет. Заведующий музеем

М. Б. Шатилов особо отмечал большую работу И. М. Мягкова по классификации материалов по отделу востока и археологии

- Май 1925 г. Организована и открыта выставка ковровых изделий Азии и предметов искусства Китая и Японии. Выставка имела большой успех
- Лето 1925 г. Проведены археологические раскопки близ с. Иштан и д. Козюлино в устье р. Томи
- Лето 1925 г. Организована выставка картин томских художников в Ново-Николаевске
- 1926 г. Подготовлено к защите в Иркутском государственном университете дипломное сочинение, завершившее получение высшего образования
- Октябрь 1927 г. Принят постоянным сверхштатным научным сотрудником музея. «Разовые» работы оплачиваются сдельно, общая сумма не превышает 20 рублей в месяц
- 1927 г. Как действительный член Томского краевого музея уполномочен представлять интересы музея в Центральном бюро краеведения, Главмузее, Академии наук и других научных учреждениях Петрограда и Москвы, устанавливать связи и получать печатные материалы для Томского краевого музея
- Апрель 1927 г. Организована большая выставка предметов буддийского искусства
- Лето 1927 г. Проведено обследование памятников архитектурной старины Томска и его окрестностей вместе с архитекторами А. М. Прибытковой и Е. С. Балакшиной. Проведено также обследование старинной живописи (иконописи) церковей Томска вместе с художником Н. А. Коринным
- 1927 г. Назначен ученым секретарем в Томском отделении Комитета содействия малым народностям Севера при Президиуме ВЦИК
- 1928 г. В качестве сотрудника музея по отделу археологии им:
- 1) произведены археологические раскопки г. Кулайки Чаинского района, около села Подгорного;
 - 2) предпринята поездка в д. Бакчар;
 - 3) осмотрены археологические памятники в районе с. Нарым (дд. Калинак, Черная, Луговая, Городище, юрты Тюхтеревы и др.);
 - 4) произведена археологическая разведка неолитической стоянки около с. Иштан Томского округа;
 - 5) проведена археологическая разведка на горе Шеломок в окрестностях Томска;
 - 6) осуществлена археологическая разведка курганов около с. Иштан.
- В результате работ было получено: 151 предмет из камня, бронзы, металла, 106 поделок из камня, 1000 фрагментов керамики, кости животных, костяки человека

20 июня 1929 г.	Обследован берестяной промысел в Нарымском крае
26 октября 1929 г.	Отмечена добросовестная и аккуратная работа как ответственного секретаря Комитета Севера при Президиуме Томского окрисполкома
10 ноября 1929 г.	Командирован Томским комитетом Севера в Новосибирск и Тобольск по делам Комитета
1929 г.	Привлечен в качестве эксперта к работе комиссии по оценке буддийской коллекции Полумордвинова
7 апреля 1930 г.	Принят в качестве члена Томского отделения Комитета Севера
28 июня 1930 г.	Командирован от Томского краевого музея в экспедицию на рр. Кеть и Васюган на 3 месяца
25 июля 1930 г.	Как члену Комитета Севера поручено обследование хозяйственной жизни района Васюганья Нарымского края и ознакомление с работой советских организаций по обслуживанию туземного населения
1931 г.	Перешел на работу в Западно-Сибирское геологическое управление, где проработал до 1988 г.

Приведенные сведения носят довольно отрывочный характер, тем не менее они позволяют определить область приложения творческих сил И. М. Мягкова. Это серьезная научная подготовка в Томском, Петроградском и Иркутском университетах, археологические и этнографические экспедиции, совершенные по заданиям Томского губнаробраза, краевого музея, Географического института в Петрограде, этнографического отдела Русского музея. Это систематическая работа в Томском музее по классификации археологических материалов, обследование архитектурных памятников Томска и его окрестностей, ответственная работа в Комитете содействия малым народностям Севера.

Одновременно И. М. Мягков вел большую просветительскую работу: в Томском краевом музее он организовал 4 выставки, готовил научные доклады, читал популярные лекции. В те же годы появились и его научные труды, до сих пор не утратившие своего значения (см. приложение).

* * *

В историю отечественной археологии И. М. Мягков вошел как первый систематизатор и исследователь знаменитых теперь кулайских древностей. И несправедливо мало известен он как неутомимый, скрупулезный, добросовестный исследователь более обширного культурного наследия народов Приобья. Многотрудному делу изучения археологии Томского края им было отдано свыше 10 лет.

Свой интерес к археологии родного края И. М. Мягков проявил в год поступления его в ТГУ. И это не случайно. За год до этого, в 1919 г., в Томске возник Институт исследования Сибири, в структуру которого включалась секция археологии. На учредительном съезде института с программой организации археологических исследований выступил В. Ф. Смолин, отметивший историзм археологической науки, которая обязана решать серьезные задачи — «заставить древности подробно рассказать о прошлом»². Для этого, по мысли докладчика, должна была быть создана собственная система методов исследования, которыми может владеть только археолог-профессионал. Именно профессионал должен вести исследования, ибо раскапываемый памятник уничтожается навсегда.

И. М. Мягков с воодушевлением включился в работу института. Будучи еще студентом, он стал его сотрудником, а вскоре и заведующим секцией подотдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. К 1921 г. секцией было зарегистрировано в окрестностях Томска в радиусе 50 верст более 20 городищ и 1000 курганов и стоянок.

В заявлении секции в губернский отдел народного образования о состоянии археологических памятников и задачах охраны и изучения он эмоционально, но четко сформулировал свою научную позицию: «Многие... даже не подозревают, что около Томска уже с неолитической эпохи жили люди (50—30 веков назад) ..., что была здесь и своя бронзовая культура во времена расцвета Греции, что греки вели широкую торговлю с древними насельниками нашего края... Чтобы эти молчаливые, на первый взгляд, свидетели прошлого были спасены для науки, чтобы они рассказали о том, что хранят под своей тяжелой грудью, умело спрашивающему человеку... есть два средства — охрана и научное изучение»³.

Позднее, в 1925 г., свои методологические и методические взгляды И. М. Мягков изложил в специальной статье, опубликованной в «Сибирских огнях»⁴. Сам он неукоснительно следовал означенному в этой статье пути. Озабоченный хищническим отношением к памятникам древности и необходимостью усиления охраны памятников, он не раз обращался в государственные и общественные организации, постоянно занимался обследованием археологических памятников, составлял картотеку для будущей карты. Первые раскопки И. М. Мягков провел вместе с В. Ф. Смолиным в 1920—1922 гг. на Козюлинском курганном могильнике XVI—XVII вв. За два года было раскопано 7 курганов⁵. Небольшие объемы работ в значительной мере объяснялись трудностями с наймом рабочих для раскопок, о чем И. М. Мягков сообщал в полевом дневнике неоднократно. По преданиям местного населения,

курганы были оставлены народом чужд. Собственных комментариев на этот счет автор дневника не давал. Только позднее, после обширных раскопок этническую принадлежность курганов исследователи связали с историей томских татар и их взаимодействием с местным, жившим здесь до тюрков народом⁶.

Хорошо знакомый с методическими достижениями в полевых исследованиях отечественной науки, обобщенных В. А. Городцовым⁷, И. М. Мягков тщательно вел дневник раскопок, подробно описывая объекты, находки, составляя планы, выполняя чертежи, зарисовки.

Любопытно, что одновременно с археологическими исследованиями в дневнике дано этнографическое описание хозяйственных занятий рыбаков, представлена история происхождения деревни Козюлино, переданы рассказанные информаторами легенды, наговоры, рецепты народной медицины и т. д. Ранее этот ценнейший документ считался утраченным. Остается только поблагодарить близких И. М. Мягкова за передачу «Дневника» в архив Томского краеведческого музея, которому он отдал столько труда, сил и любви.

Вернувшись в 1925 г. после учебы в Петрограде в Томск археолог-профессионал Иван Михайлович Мягков обратился к более настойчивому и углубленному исследованию Томского края. Он провел разведочные обследования памятников в бассейне р. Томи (курганы у Чернильщиковых и Казанских юрт, около дд. Орловки, Брашиной, Басандайки, поселения и городища Тоянов городок, Чатское, у Самусьского затона) и, конечно, продолжил изучение памятников его студенческой молодости (Козюлинский комплекс, раскопки неолитической стоянки и обследование курганов близ с. Иштан).

С этого времени объектом исследования И. М. Мягкова становится археология Нарымского Приобья, где он осмотрел памятники у деревень Калинак, Черная, Луговая, Городище, юрты Тюхтеревы близ Нарыма и по р. Чае.

Сам Иван Михайлович свой «нарымский» интерес объяснял тем, что археология Западной Сибири, особенно ее северной части, крайне мало изучена. В то же время он заявлял: «... я склонен думать, что эти изучения должны дать ценные указания для решения весьма важных археологических проблем не только доистории Сибири, но и для понимания культур северо-восточной России»⁸. Поэтому археологические интересы, по его мнению, должны были направляться на систематическое исследование территории северо-западной Сибири, изучение полученных источников, их культурное освещение. Большое значение он придавал исследованию локальных районов, таких как Нарымский край.

Существовала и другая причина. Еще в 1922 г. в Томский краевой музей поступила первая группа предметов, случайно обнаруженных на горе Кулайке (у с. Подгорного, Чаинского района). Тогда же Иван Михайлович осуществил первую поездку для осмотра памятника. С первой минуты он был покорен яркостью, таинственностью необычных свидетелей древней культуры.

С 1927 г. И. М. Мягков вплотную занялся изучением кулайских древностей, которые к тому времени значительно пополнились за счет приобретения доктором Л. Н. Зинченко в районе рр. Чай, Парабели и Васюгана и в результате раскопок самого исследователя на горе Кулайке и исследований в окрестностях д. Бакчар (современная д. Усть-Бакчар). С исключительной тщательностью и глубиной, что всегда являлось стилем работы Ивана Михайловича, он изучил широкий круг литературы и источников, и не только по археологии. Он использовал данные природоведения, истории, лингвистики, этнографии, на деле впервые в томской археологии показав без нарочитой декларативности важность и продуктивность комплексного подхода в археологических исследованиях.

Задачи определения времени, исторического места замечательного комплекса бронзовых зооантропоморфных изображений, своеобразного оружия, «скифских» котлов, зеркал И. М. Мягков блестяще решил в работе «Древности Нарымского края»⁹. В ней были заложены основные пути дальнейшего изучения истории народов, оставивших «кулайские древности», которые по праву встали в один ряд с лучшими произведениями мирового искусства и культуры. Оправдалась глубокая вера Ивана Михайловича в исключительную значимость культуры «типа Кулайки» в истории Урало-Сибирского региона: как показывают дальнейшие исследования, она действительно стала ключевой в судьбе многих народов Сибири.

Занимаясь любимой темой, И. М. Мягков никогда не ограничивался только ею. Тревожась о судьбе культурного наследия прошлого, осознавая необходимость более интенсивного развития отечественной археологии, он достигал высокой гражданственности и профессионального пафоса. «Изучим же то, результатом чего являются все ныне живущие как в Сибири и даже в других местах света различные народности, изучим их прошлое. То, что можно сделать сегодня, нельзя откладывать на завтра. Нельзя для такой культурной страны, какой является Россия, под предлогом недостатка средств отказываться от разрешения многих проблем, связанных с прошлым как России, так и мировой науки. В данном случае не только она заинтересована в этом, но также и вся мировая паука»¹⁰ — эти слова были сказаны И. М. Мягковым почти 70 лет назад, но звучат до боли современно. Важно,

чтобы призыв Ивана Михайловича был услышан нынешним поколением археологов, оказавшихся в ситуации, в чем-то сходной с той, какую переживали И. М. Мягков и его коллеги в трудные двадцатые годы.

* * *

Этнографическая работа И. М. Мягкова началась в 1922 г. с командировки в Сургутский уезд и Нарымский край для изучения быта местного коренного населения. Из двухмесячной экспедиции он привез 35 предметов традиционной культуры юганских хантов и нарымских селькупов (они поступили в Томский краевой музей, к настоящему времени из них сохранилась только половина). Наибольший интерес в этих сборах представляют музыкальные инструменты юганских хантов, сведения о которых были позднее опубликованы¹¹. Один предмет (образец обуви) он сдал в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру) в Петрограде.

Обучаясь в Петроградском университете, И. М. Мягков продолжал занятия этнографией, в 1923 г. он водил экскурсии по этнографическому музею, а в следующем году отправился по заданию этнографического отдела Русского музея к хантам рр. Юган и Салым для исследований и сбора коллекций. Позднее этот отдел стал Государственным музеем этнографии народов СССР. В 1980-х гг. мне приходилось знакомиться с коллекциями этого музея, относящимися к хантам, но материалы И. М. Мягкова среди них, к сожалению, не встретились.

Работая в конце 1920-х гг. в Томском отделении Комитета Севера, И. М. Мягков имел хорошие возможности для этнографических сборов. В 1930 г. ему было поручено провести обследование хозяйственной жизни района Васюгана. В этом же году он был командирован на рр. Кеть и Васюган от краевого музея. В результате он привез более 10 предметов из населенных пунктов в бассейне среднего и верхнего течения Васюгана, т. е. с территории проживания хантов. Очевидно, во время поездки он вел фотосъемку, поскольку тогда же в Музей антропологии и этнографии в Ленинграде (МАЭ) поступило около 100 фотографий, относящихся к остоякам р. Васюган (кол. № И-123). Коллекцию эту я смотрела в 1971 г., когда меня более всего интересовала материальная культура народа, поэтому нахожу в своей рабочей тетради описания увиденных на фотографиях жилищ, разных видов одежды, утвари, женских видов труда и т. п. Кратко отмечены и другие сюжеты снимков — священные места и культовые предметы, приношения духам, камлание шамана.

В 1931 г. была опубликована статья И. М. Мягкова «Искусство Танну-Туву»¹². Об этой статье у нас однажды зашел разговор

с С. В. Ивановым — известным специалистом по искусству коренных народов Сибири. Меня интересовало, почему же И. М. Мягков не стал работать дальше в этом направлении. С. В. Иванов сказал, что причиной тому могла быть его собственная рецензия на статью И. М. Мягкова. При этом в голосе его слышалась нотка сожаления и вины. Вполне вероятно, что они были знакомы лично. С. В. Иванов работал в Музее антропологии и этнографии с 1925 г., а в 1930 г. И. М. Мягков сдал туда упомянутую фотоколлекцию и затем, в 1932 г., две большие этнографические коллекции (№ 5093 и 5111). Именно они являются самым значительным вкладом И. М. Мягкова в этнографическую науку.

Для томичей интересно то, что весь материал И. М. Мягкова относился к жителям р. Васюган. Об истории вещественных коллекций мне рассказала этнограф В. В. Антропова, долгое время работавшая в МАЭ. Сборы были организованы и оплачены организацией «Новоэкспорт». Предполагалось, что коллекции пойдут за рубеж. Тогда, как и позже, как и в наши дни, шла бойкая распродажа национальных богатств. Но всегда находились и радители родной земли, они-то и сумели добиться передачи коллекций в старейший музей нашей страны.

Описание васюганских коллекций И. М. Мягкова позднее выполнила Н. Ф. Прыткова, чье имя хорошо известно угроведам. В документации ленинградского музея обе коллекции обозначены так: «От Новоэкспорта. Собиратель И. Мягков. 1932 г. Нарымский край. Остяки». В те годы остяками назывались два народа Нарымского края — селькупы и ханты (селькупов называли еще остяко-самоедами). Определить точную этническую принадлежность поступивших в музей предметов можно по населенным пунктам. В данном случае И. М. Мягков дает следующие названия: юрты Айполовы, Озерные, Тейкины, Калганак, Пёнеровы, Нижние Сологичи, Забегаловка, Катальга, Матоковы, Фроловы, Московные, Березовый Яр, Каргалдай. Все они, за исключением последнего, находятся в среднем и верхнем течении Васюгана, где в XX в. жили ханты. (Граница между селькупам в нижнем течении реки и хантами проходила по устью Чижапки — притока Васюгана). Последний населенный пункт — Каргалдай — расположен вблизи устья Чижапки, им помечен один предмет. Еще в одном случае место сбора указано так: «Река Обь». Для уточнения этнической принадлежности коллекций я обратилась в начале 1970-х гг. непосредственно к И. М. Мягкову. (Неожиданностью было, что он жив и живет по-прежнему в Томске!) Я нашла его в геологическом управлении, получила приглашение домой, где увидела фотографии, аналогичные музейным. Иван Михайлович подтвердил,

что коллекции, хранящиеся в Ленинграде, собраны им среди хантов.

Остановлюсь на этом сюжете потому, что Н. Ф. Прыткова, описавшая мягковские коллекции № 5093 и 5111, считала их селькупскими. Об этом мне говорили бывшие сотрудники МАЭ, это же явствует и из некоторых публикаций Н. Ф. Прытковой и ее коллег, использовавших коллекции И. М. Мягкова в своих исследованиях¹³. К сожалению, я не застала в живых саму Наталью Федоровну и не смогла побеседовать с ней по интересующему меня вопросу. Она занималась изучением хантов, жила среди северных групп и визуальное представление имела только о них. Свои основные работы Н. Ф. Прыткова посвятила изучению одежды, а она у васюганских хантов резко отличается от одежды северных групп. Вероятно, поэтому Н. Ф. Прыткова не «признала» васюганские вещи за хантыйские, а отнесла их к соседнему народу — селькупам.

Коротко о самих коллекциях. Одна из них (№ 5093) состоит из 79 предметов, другая (№ 5111) — из 219. В них представлены предметы из разных сфер жизни народа, который в 1930-е гг. еще сохранял свой традиционный уклад. Это следующие категории вещей (обычно в нескольких экземплярах): нож с ножнами, лук ручной (простой и сложный) и самострел со стрелами, копье, черкан, слопец, охотничья петля, бич для вспугивания белок, пороховница, острога, сеть и игла для ее вязания, черпак для льда и рыбы, мотыга, нарта с ляжками для человека и собаки, посох лыжный, сито для орехов, распялки и скобель для шкур, платье, женская и мужская верхняя распашная одежда из ткани, шкурки гагары и беличьи лапки для изготовления одежды, шуба из сборного меха, шапка, рукавицы, обувь летняя и зимняя, трафареты для пошива рукавиц и обуви, пояс, украшения (нашивные и съемные), кисет, игольник, коробки берестяные разных форм, размеров и назначения, крышки к ним, набирка для ягод и заплечный кузов с костяной застежкой, туесок, корневатик, ступа, бочка, ведро из бересты, берестяные ленты и полотнища, люлька, полог, черпак и ложка, чашка, солонка, стружка для утирания, пучки сухожилий и травы с расческами для них, костяные крепилки для сухожильных нитей, пряслица, мешочки из ткани и шкур, игрушки, губной и струнный музыкальные инструменты, платок от свадебного посоха, календарь деревянный; вещи культового назначения: набирка с последом, изображения духов и животных, «приклады» (подарки духам), в том числе жертвенные одежды, шаманские стрелы, череп и кости медведя.

Значение этих коллекций можно оценить, сравнивая их состав с тем, что сохранилось в традиционной культуре васюганских хантов. В 1970 г. во время совместной этнографической экспедиции

Томского госуниверситета (Н. В. Лукина со студентками П. Е. Потрепаловой-Бардиной и Н. И. Манжос) и Томского областного краеведческого музея (В. М. Кулемзин) удалось встретить если не используемые, то хотя бы хранящиеся предметы традиционного уклада жизни. В. М. Кулемзин привез тогда в музей неплохую коллекцию. Самой ценной нашей находкой стал комплект шаманских атрибутов — единственный в хантыйских коллекциях нашей страны, да и за рубежом. А на следующий год после нашей экспедиции мне довелось изучать в Ленинграде коллекции И. М. Мягкова. Сопоставляя их с тем, что мы сами видели на Васюгане, можно было вполне конкретно определить, что сохранилось, а что исчезло за 40 лет у одной из групп хантыйского народа. Вывод был неутешительный — исчезло больше, чем осталось.

Тогда же в фотоколлекции И. М. Мягкова встретились мне две фотографии, перекликавшиеся с нашими материалами 1970 г. Подпись на них гласила: «Афанасий Милимов, шаман и сказитель». Это у его сына Петра в юртах Озерных были приобретены нами шаманские вещи, и принадлежали они именно Афанасию Милимову. Но снимки замечательны еще по одной причине. Шаман снят у своего скромного домика в повседневной одежде, ничем не отличавшейся от одежды его сородичей, и по нему никак не скажешь, что это представитель «кулацко-шаманского отродья», эксплуататор, как писали о шаманах северных народов некоторые авторы.

Ниточка от шаманских атрибутов Афанасия Милимова ведет нас к еще более ранней поездке на Васюган одного из исследователей хантыйской культуры. Имеется в виду финский ученый У. Т. Сирелиус, который путешествовал по Васюгану в 1898 г. Он собрал большую и интересную коллекцию, сделал много зарисовок и фотографий. Недавно вышла книга, содержащая его дневники и богато иллюстрированная, в том числе цветными фотографиями¹⁴. При просмотре книги один предмет показался мне странно знакомым — шаманский бубен. Сравнила снимок У. Т. Сирелиуса с фотографией бубна из коллекции В. М. Кулемзина в Томском музее — как будто один и тот же. Затем и В. М. Кулемзин подтвердил идентичность бубна на снимке и в музее.

Во время посещения И. М. Мягкова дома видела у него васюганские фотографии. Две из них он давал для перерисовки и публикации. В целом его вещественные и иллюстративные коллекции довольно часто упоминаются в научной литературе¹⁵.

* * *

В начале 1930-х гг. в Томске существовало несколько крупных геологических организаций, в том числе Томское отделение Запад-

но-Сибирского геологического управления (ЗСГУ). При этом отделении было редакционно-издательское бюро, которое издавало материалы по геологии и полезным ископаемым Западной Сибири и Красноярского края. Сотрудником этого бюро и стал в 1931 г. И. М. Мягков.

Рекомендовал его сюда Михаил Антонович Усов, с которым они были хорошо знакомы по работе в Комитете Севера. Позже Иван Михайлович часто вспоминал о своих встречах и работе с М. А. Усовым. У него даже сохранился отзыв-рекомендация М. А. Усова на статью «Морены ледников Белухи». В отзыве, в частности, сказано: «...работа является оригинальной и будет очень полезной для всех лиц, производящих исследования в горных районах Сибири. Поэтому я полагаю, что она заслуживает опубликования»¹⁶. У этой статьи И. М. Мягкова оказалась завидная судьба. Как М. А. Усов и предполагал, она стала по-настоящему «классической» для геологов и географов, изучающих районы Горного Алтая. И не случайно в течение десятилетий работа сохраняла свою актуальность, ведь она была написана добросовестным исследователем с учетом всех материалов, полученных до него не только по ледникам Алтая, но и Альп, Кавказа и Шпицбергена. Глубиной научного исследования отличается каждая работа И. М. Мягкова.

До августа 1941 г. И. М. Мягков работал в редакционном бюро ЗСГУ. Был ответственным секретарем бюро, редактором изданий геологоуправления, членом комиссии по изданию «Геологии СССР», заведующим редакционной базой и одновременно редактором.

Через месяц после начала Великой Отечественной войны И. М. Мягкова назначили на должность начальника Томского отделения Западно-Сибирского геологического управления. Тогда в составе отделения работало несколько геологических партий. В самые трудные военные годы они вели изыскания на р. Васюган, в Асиновском районе, в бассейне рр. Чулым, Кеть, Тым, в окрестностях Томска.

В те времена территория Западно-Сибирской равнины не была обеспечена геологическими картами. Удивительно, но факт — именно во время войны было получено задание на государственную геологическую съемку масштаба 1:1000000. Эту работу выполняли в Томском отделении ЗСГУ под руководством И. М. Мягкова. В маршруты шли на деревянных долбленых лодках (обласках) по малым и большим рекам правобережья р. Оби. Квалифицированных геологов-съемщиков не было, поэтому к работе привлекали преподавателей Томского университета — Венедикта Андреевича Хахлова, профессора, заведующего кафедрой палеонтологии, и Леонида Алексеевича Рагозина, доцента, заведующего

кафедрой исторической геологии. С ними работал студент-геолог Станислав Шацкий, впоследствии известный как автор и редактор всех государственных геологических карт Западной Сибири, изданных в последние тридцать лет.

Иван Михайлович Мягков, вспоминая работу военных лет, говорил, что было невероятно трудно, но он никогда не слышал от людей отказа. А ведь случалось, например, геолога-женщину на все лето отправляли «в поле», а у нее — ребенок-дошкольник. Не знаю, уместно ли здесь называть фамилию, но все же скажу: геолог Лидия Николаевна Краевская ездила «в поле» с малолетним сыном. Кстати, она впоследствии была награждена орденом Ленина, а ее сын Борис стал геологом и работает ныне в научно-исследовательском институте.

В 1949 г. вследствие реорганизации Томское отделение ЗСГУ было лишено самостоятельности и объединено с трестом Запсибцветметразведка, а начальник отделения, директор административной геологической службы II ранга И. М. Мягков получил назначение на должность старшего инженера Обь-Иртышской экспедиции в Томске. Эта экспедиция проводила большую работу по изучению пойменных отложений р. Оби в пределах Новосибирской и Томской областей.

В конце 1952 г. Ивана Михайловича направили на работу в экспедицию № 87, которая занималась изучением озерных отложений в Кулунде. Надо сказать, И. М. Мягков серьезно увлекся новой проблемой, но поскольку уже в январе 1954 г. он был откомандирован в Томскую комплексную экспедицию, то завершить работы по изучению открытых им залежей карбонатных магнезиальных солей не успел. Однако впоследствии он несколько раз пытался закончить начатое, опубликовать имевшиеся материалы. Сохранилась даже записка академика Н. М. Страхова, в которой он обращался к руководству Запсибгеолуправления с просьбой оказать содействие И. М. Мягкову в работе по завершению исследований современного солеобразования в Кулундинской степи. Академик отмечал, что исследование И. М. Мягкова представляет чрезвычайно большой научный интерес, открывает новые стороны в Кулундинском озерном соленакоплении, сообщает новые факты для общей литологической теории¹⁷. Однако работа так и осталась незавершенной. Скорее всего потому, что в июне 1955 г. И. М. Мягков вновь занялся напряженной редакторской и издательской работой.

Приказом по управлению он был назначен ответственным по руководству изданием «Атласа руководящих форм ископаемой фауны и флоры Сибири» и «Геологии Сибири» (т. 14). В мае 1957 г. стал начальником тематической партии, в задачу которой входило

ли только редакционно-издательские работы. Они продолжались вплоть до 31 декабря 1988 г. Все это время Иван Михайлович со своими сотрудниками занимался подготовкой к изданию и изданием очень нужных для геологов материалов. Но не только этим. В 1956 г. трудами И. М. Мягкова был воскрешен закрытый в 1949 г. в связи с печально известным «делом геологов» «Вестник Западно-Сибирского геологического управления».

В приветственном «адресе» по случаю 90-летия И. М. Мягкова, который подписали руководители тематической экспедиции ЗСГУ, в частности, отмечено, что за весь период работы им было подготовлено 248 отдельных изданий, в том числе «Вестники» ЗСГУ, Новосибирского и Томского геологических управлений, 65 выпусков «Материалов по геологии Красноярского края», 15 выпусков «Новых данных по геологии и полезным ископаемым Западной Сибири». Далее в «адресе» говорилось: «Особое значение имеет Ваша инициатива в подготовке к изданию и издание уникального труда «Геологическая изученность СССР» (т. 19, вып. 1 и 2). Ваша работа по изданию геологических материалов получила высокую оценку корифеев отечественной и мировой науки — академиком И. М. Губкина и В. А. Обручева, которые отмечали, что благодаря издательской деятельности ЗСГУ наши знания о геологии Западной Сибири держатся на должной высоте»¹⁸.

Многолетний добросовестный труд И. М. Мягкова отмечался не только этим «адресом». Он был удостоен медалей «За трудовое отличие», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За трудовую доблесть». В 1969 г. ему присвоили звание «Ветеран труда ЗСГУ».

В нечастых беседах с Иваном Михайловичем я узнавал для себя немало нового, а про себя отмечал: сколь интересен он как собеседник. Он многое знал об истории Томска и его людях, интересно об этом рассказывал. Ведь он был хорошо знаком со многими замечательными томичами, знал всех геологов—сотрудников Сибгеолкома, созданного в начале 1920-х гг. Особенно уважительно он относился к Р. С. Ильину, первому из геологов, написавшему о возможном нахождении нефти в Западной Сибири. Эту статью Р. С. Ильина опубликовал в одном из своих сборников И. М. Мягков.

Общаясь с томскими геологами, узнавал я их мнение об И. М. Мягкове. В. А. Хахлов (был у него аспирантом) называл его «порядочным человеком». Оказывается, когда весной 1949 г. многие томские геологи были арестованы, то некоторые из их друзей и коллег дали «нужные» показания следствию. И. М. Мягкова в их числе не было. Не случайно поэтому Иван Кузьмич Баженов, тоже «проходивший» по «делу геологов», на юбилейном

номере газеты «За научные кадры» написал однажды: «Дорогому Ивану Михайловичу—в знак глубокого уважения». Мне почему-то тогда подумалось, что этой фразой мудрый профессор хотел отметить порядочность И. М. Мягкова в том давнем и страшном деле.

Мне посчастливилось познакомиться с Иваном Михайловичем в 1954 г., когда молодым специалистом после окончания ТГУ я пришел в Томскую комплексную экспедицию. Близко сошелся с ним в конце 1960-х гг., когда мы много общались, беседовали на специальные геологические и житейские темы. Очень жалею, что не записывал тогда то, что слышал от него. Восстановить в памяти его образ, его жизнь и деятельность мне помогли бывший главный геолог Томской геолого-разведочной экспедиции, доктор наук М. П. Нагорский и геолог, ветеран этой экспедиции П. Т. Сазонов. Благодарю их за участие и помощь в этой работе.

Список опубликованных работ И. М. Мягкова

1. Пути изучения Западно-Сибирской археологии и ее проблемы в настоящем//Сибирские огни. 1925. № 6. С. 162—167.
2. Предание о княжне Томе и Ушае (Из истории Томска)//Сибирские огни. 1926. № 3. С. 158—164.
3. Письмо в редакцию (по поводу статьи В. Малыгина «Легенды и географические названия»)//Сибирские огни. 1926. №№ 5—6. С. 280.
4. Находка на горе Кулайке//Труды Томского краевого музея. 1927. Т. 1. С. 65—69.
5. Художник-архитектор А. Л. Шиловский: (Некролог)//Труды Томского краевого музея. 1927. Т. 1. С. 208—210.
6. Задачи изучения искусства сибирских туземных племен//Труды 1-го Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Новосибирск, 1928. С. 139—143.
7. Охрана и изучение памятников искусства Сибирского края//Труды 1-го Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Новосибирск, 1928. Т. 5. С. 247—250.
8. Древности Нарымского края (в собрании Томского краевого музея)//Труды Томского краевого музея. 1929. Т. 2. С. 51—86.
9. Батеньков как архитектор//Сибирская советская энциклопедия. 1929. Т. 1. С. 256—257.
10. Искусство Танну-Туву//Материалы по изучению Сибири. 1931. Т. 3. С. 283—315.
11. Научно-исследовательская деятельность ТГУ//Томский государственный университет. Томск, 1934. С. 48—64.

12. Морены ледников Белухи//Вестник Западно-Сибирского геологического треста. 1936. Вып. 1. С. 85—106.

Составлено по: ТОКМ № 10959/1; 10959/2; 10959/3; 10959/4; 10959/6; 10959/9; 10959/10; 10959/11; 10959/13; 10959/16; 10959/17; 10959/18; 10959/24; 10959/26; 10959/31; 10959/102. Архив ТОКМ. Оп. 2. Д. 49. Л. 45, 74; Д. 48. Л. 180; Оп. 3. Д. 151. Л. 3, 5.

² Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск. 1919. Т. 3. С. 97—98.

³ ГАТО. Ф-р. 28. Оп. 1. Д. 1224.

⁴ Мягков И. М. Пути изучения Западно-Сибирской археологии и ее проблемы в настоящем//Сибирские огни. 1925. № 6. С. 162—167.

⁵ Мягков И. М. Экспедиционный дневник. 1921//ТОКМ. № 10959/73.

⁶ См.: Плетнева Л. М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск, 1990. С. 38.

⁷ Городцов В. А. Руководство для археологических раскопок. М., 1914.

⁸ Мягков И. М. Древности Нарымского края//Труды Томского краевого музея. 1929. Т. 2. С. 51.

⁹ Там же. С. 51—86.

¹⁰ Мягков И. М. Пути изучения Западно-Сибирской археологии... С. 166.

¹¹ Лукина Н. В. О возможности изучения музыкального фольклора восточных хантов//Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллинн, 1980. С. 50—60.

¹² Мягков И. М. Искусство Танну-Тувы//Материалы по изучению Сибири. Томск, 1931. Т. 3. С. 283—315.

¹³ Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л. 1961; Прыткова Н. Ф. Одежда хантов//Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1953; Она же. Один из источников изучения одежды народов Сибири (на материалах одежды обских угров)//Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX—начале XX вв. Л., 1971.

¹⁴ Sirelius U. T. Reise zu den Ostjaken. Übersetzt und herausgegeben von Ingrid Schellbach. Helsinki, 1983.

¹⁵ Кроме названных выше, см.: Альбом хантыйских орнаментов (восточная группа)/Составитель и автор вводной статьи Н. В. Лукина. Томск, 1979; Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX—начала XX вв.)//Народы Сибири и Дальнего Востока. М.; Л., 1963; Он же. Скульптура народов севера Сибири XIX—первой половины XX вв. Л., 1970; Кулемзин В. М. Шаманство васюганско-ваховских хантов//Из истории шаманства. Томск, 1976; С. 3—254; Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX—начале XX века: Этнографические очерки. Томск, 1977; Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск, 1985; Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник//Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 3—99 и др.

¹⁶ Отзыв профессора М. А. Усова о работе И. М. Мягкова (1935 г.)//ТОКМ. № 10959/29.

¹⁷ Письмо академика Н. Страхова (1954 г.)//ТОКМ. № 10959/22.

¹⁸ Поздравление И. М. Мягкову с 90-летием со дня рождения (1989 г.)//ТОКМ. № 10959/64.